

ских систем включает процедуры активного насаждения идей и институтов демократии в обществах, еще не сделавших свой «демократический выбор». Своей длительной колониальной политикой в предшествующие столетия и последующим закреплением за собой контроля над «сферами жизненных интересов» в мире, «западные» политические сообщества создали себе дополнительные благоприятные условия для ускоренного «большого» разделения между собой политического труда. В том смысле, что разные сообщества получили и разные возможности в использовании ресурса колониальной политики для решения своих проблем. Конкурируя друг с другом и вовлекая в эту конкуренцию «третий мир», «западные» демократии, а сегодня к ним активно присоединились и сообщества «демократического транзита», вывели проблему «демократического выбора» на уровень важнейшей глобальной проблемы. Уже сегодня можно наметить в мире деление политических сообществ по признаку положительного или отрицательного отношения к идее «демократического выбора».

Поэтому возможно, что, подобно древним «разделениям труда», нынешнее «большое политическое разделение труда» между

отдельными участниками «западного» демократического процесса со временем может перекинуться и на те политические сообщества, которые пока стоят в стороне от демократического «магистрального пути» развития современной цивилизации, справедливо полагая, что в деле проведения политических модернизаций особо спешить не стоит. Между ними также, возможно, возникнет разделение на тех, кто из прагматически-политических соображений примкнет к лагерю политических сообществ, сделавших демократию традицией, то есть стержнем своей внутривидовой организации, и тех, кто из таких же прагматических соображений подключится к группе сообществ, существующих в режиме перманентного «демократического транзита». Во всяком случае, с учетом тех практических выгод, которые дают политическим элитам и обществам обе стратегии развития, такое развитие событий исключить нельзя. Подобно тому, как ранние цивилизованные сообщества стали земледельческими и кочевыми, урбанистическими и сельскими, в перспективе это может быть стимулом к появлению каких-то новых цивилизационных идентичностей и к перегруппировке на их основе политических сообществ.

УДК 32.01

ЭКСТРАПОЛЯЦИЯ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ КАК СПЕЦИФИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ МЕТОДОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ

Т.Н. Митрохина

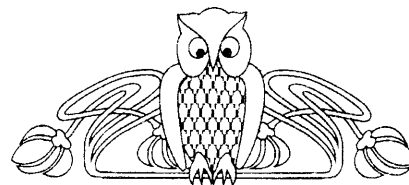
Саратовский государственный университет,
кафедра политических наук
E-mail: mtn002@rambler.ru

В рамках статьи анализируются как позитивные, так и негативные следствия такого явления, характерного для политической науки, как заимствование познавательных систем из точных, естественных и социально-гуманитарных наук, определившее на многие годы и десятилетия вперед развитие методологической базы политической науки.

Extrapolation of Cognitive Systems as a Specific Feature of Methodology of a Political Science

T.N. Mitrokhina

In the frames of the article both positive and negative consequences of such phenomenon as a loaning cognitive systems from the extract natural and social-humanities sciences are analyzed. This has determined the development of methodological base of politic science many years ahead.

Методологические особенности современной политической науки можно охарактеризовать исходя из того факта, что политология в качестве самостоятельной отрасли научного знания формировалась в результате дифференциации обществознания, естественным следствием чего явилось частичное наследование исторической и правоведческой методологической базы. Вторым не менее значимым биографическим фактом политологии, определяющим ее теоретико-методологические особенности на многие годы

и десятилетия вперед и еще более существенно повлиявшим на состояние методологической базы, явились поиски новых методов получения научного знания о политике. Оба названных факта оказались на протяжении ряда десятилетий определяющими в процессе формирования политической методологии, и на этом основании могут быть отнесены в разряд генетических. В рамках данной статьи внимание будет сфокусировано на анализе такого явления, как экстраполяция познавательных систем, под которой мы понимаем перенос научного знания из области, где оно стало достоверным, на область, познание которой ещё предстоит.

Поиск новых способов анализа политической сферы, вызванный ее усложнением и дифференциацией, а также эволюцией предмета анализа, сопровождался заимствованиями, адаптацией и совершенствованием достижений точных, естественных и смежных социально-гуманитарных наук. Итак, *устойчиво воспроизводимой тенденцией*, имеющей место с самого рождения политической науки, является заимствование познавательных систем как из смежных социально-гуманитарных сфер, так и далеко отстоящих по предмету исследования, а также их адаптация и совершенствование. Как само явление экстраполяции, его специфические особенности, так и следствия оцениваются далеко неоднозначно. Экстраполяция имела место по таким направлениям, как метод, семантика, парадигма. Многие, казалось бы, политологические понятия не всегда имеют политологические корни.

Так, например, термин «авторитаризм» коренится в психологии. В число заимствованных входят и такие базовые понятия, как «власть», «партия», «культура». М. Доганом составлен перечень более двухсот понятий, позаимствованных политической наукой из других наук. Вполне приемлемыми и политологическими кажутся кибернетические замеры политических систем, а также сугубо технологические термины «процесс», «система», «элемент», «обратная связь». Экстраполяция познавательных систем в политологию характеризуется тем, что в методологическом обогащении политической науки решающую роль сыграли непосредственно не математика, кибернетика или статистика, а

дисциплины, уже пропустившие через себя достижения этих наук, например социология, психология или экономика¹. Представители этих научных направлений, значительно лучше владеющие математическим аппаратом, выполнили функцию посредников между точными науками и политологией.

В этой связи было и остается значительным влияние экономической теории, из которой в политическую науку была продуктивно заимствована теория рационального выбора, основные постулаты которой и по сей день являются «путеводной звездой» исследования политической сферы. Рационалистика позволила осуществить анализ политики как сферы рациональной и эгоистичной мотивации действий как политиков, так и избирателей². Посредством экономической теории из математики в политологию заимствовались моделирование социально-политической сферы, булева алгебра, назначение которой состояло в анализе большого массива данных по разным странам посредством операций логического сложения и умножения, факторный и корреляционный виды анализа. Усилиями психологов и социологов из естественных наук адаптировались классический, системный анализ и синергетика, психометрические методы, а также шкалограммный анализ, социометрия, выборочный анализ генеральной совокупности и многое другое.

Процесс заимствований породил ряд следствий, имеющих непосредственный выход на современное состояние политической методологии, одним из которых является методологическая *междисциплинарность*, что само по себе вполне нормально, поскольку природа объекта исследования политической науки междисциплинарна и изучается многими научными направлениями. Нередко ученые ратуют за поиск новых методологических ориентаций политической науки и обосновывают необходимость развития междисциплинарных исследований, положительно оценивая «органичное структурное взаимопроникновение различных дисциплин, идущее от самого объекта исследования»³. Направленность на использование методологических приёмов других наук, применяемых для исследования политической сферы, обеспечивает *разностороннее* исследование

этой сферы под различными углами зрения, что, в свою очередь, формирует такое качество, как *универсальность* политической методологии. Сочетание разноплановых подходов к одному и тому же явлению обеспечивает всестороннее и глубокое его изучение.

Дж. Сартори отмечает вторичный характер методологических концептов политической науки и его *негативные* последствия, одним из которых считает формирование несознательного мыслителя. «Традиционный политолог в какой-то мере мог позволить себе быть несознательным мыслителем – вся мыслительная работа была проделана уже за него»⁴, замечает Дж. Сартори, имея в виду методологические построения, созданные в рамках иных научных направлений.

На негативных следствиях процесса своеобразного импорта научного знания акцентирует внимание и американский профессор Х. Алкер. Он пишет, что его не оставляет ощущение *отсутствия аутентичности*, своего рода дисциплинарной неполноценности этой науки⁵. Подобная позиция является источником дискуссии по вопросу об институционализации политической науки вообще, поскольку самостоятельность научного направления определяется наличием специфических, исходящих от самих политологов методов исследования. Он сетует по поводу того, что «продукция, выпускаемая политическими методологами, все ещё серьёзно страдает отсутствием основополагающих отличительных особенностей, связанных с характером самой дисциплины»⁶.

Очевидно, заимствования сопровождаются как отрицательными, так и положительными следствиями. Так, например, в результате экстраполяции научного знания политическая наука *обогащалась* достижениями кибернетики, к которым сегодня учёный мир относится как вполне естественному методологическому приёму, эффективному в политическом исследовании. Специалисты в области политической методологии приспособили и усовершенствовали разнообразные полезные технические приёмы для применения событийного счета, пространственных моделей, опросов общественного мнения, моделей ложных определений, изменения параметров, совокупных данных, произвольных ошибок при измерениях, пропавших

данных и анализа данных динамического ряда⁷. Использование теории сложных динамических систем управления нашло непосредственное применение в политической науке, поскольку предложенные системщиками модели оказались универсальными и пригодными для исследования политических систем всех типов. Столь же продуктивным оказался структурно-функциональный анализ, поскольку политические особенности могут успешно анализироваться с точки зрения функциональности структур.

Явление методологической экстраполяции оказалось настолько масштабным, что позволило М. Догану сделать заключение о неоплатном внешнем долге политической науки перед другими дисциплинами, в силу того, что импорт научных теорий принёс ей значительные дивиденды⁸. Оценивая методологическое влияние других наук Г. Алмонд отмечает три вершины в развитии политической науки только лишь на протяжении XX в., каждая из которых связывалась со значимыми подвижками в сфере методологии исследования. Первая – с программами эмпирических исследований. Вторая ассоциировалась с распространением поведенческого подхода, третья – с введением логико-математических и экономических методов исследования⁹.

Из факта заимствования и адаптации познавательных систем других наук следует и *гибридный* характер методологии. Под гибридизацией в данном случае подразумевается скрещивание, переплетение разнородных методологических приёмов в пределах одного научного организма, что проявляется как в обмене понятиями, теориями и методологией между отдельными научными дисциплинами и их отраслями, так и в обмене информацией, результатами, показателями, статистическими данными. В определенном смысле гибридизация представляется необходимым и позитивным явлением, поскольку результатом сращивания методологических приёмов может стать нечто специфически приемлемое для анализа социально-политической сферы. Однако гибридизация может увенчаться и конструированием теоретико-методологического «кентавра», мало эффективного при анализе реальной политики.

Пожалуй, меньшее влияние только лишь на отечественную политологию оказали *заимствования иного рода*. Нельзя не сказать о значительном влиянии зарубежной науки, которое не могло не иметь место, поскольку американские, польские, французские, немецкие, итальянские исследователи, а также представители иных зарубежных школ по многим направлениям исследования политики по вполне объективным обстоятельствам продвинулись значительно дальше российских учёных. Об этом свидетельствует и факт преобладания в области политических исследований зарубежных исследований над исследованиями отечественных авторов.

Таким образом, в отечественной политической науке имеет место явление *двойной экстраполяции* – следование в русле, проложенном западными политологами, а также учёными других наук. Адаптация этих подходов к исследованиям в области отечественной политики оценивается далеко неоднозначно. С одной стороны, в результате этого процесса отечественная наука обогатилась новыми, «доселе невиданными диковинами» в виде изощрённых методологических построений, с другой стороны, заимствование по большей части носило характер механического перенесения достижений западной науки на отечественную почву, что очень часто вызывало эффект отторжения. «Национальный организм» не принимал чужеродные элементы. В отечественной политической науке А. Богатуровым отмечается негативная тенденция в виде синдрома «*полной осведомленности при полном непонимании*», для которого характерно владение переводными источниками, но неумение осуществлять собственный анализ, т.е. применять методологический инструментарий, заимствованный на Западе¹⁰.

По вполне объективным обстоятельствам политологией в отечественных вузах начали заниматься представители общественных кафедр, редко владевшие методами точных и естественных наук. Поскольку применение методологии естественных и точных наук требует от исследователя первоначально глубокого проникновения в теорию метода, для чего необходимы определённые познания в области этих наук, что встречается не часто, постольку имеет место

определённая доля «*эkleктизма отечественной методологической базы*»¹¹, и, по всей видимости, не только отечественной. Отсюда проистекает и другая проблема – *искусственность, эфемерность, оторванность от реальности* и несовершенство применяемых для анализа политической сферы методов.

В отечественных политологических исследованиях особенно заметны методологические «*слабости*», сводимые к нескольким вариантам. Методологией отечественного обществознания на протяжении десятилетий являлся марксизм-ленинизм, не принятый западной политической наукой по вполне субъективным причинам – марксизм предвещал неизбежный крах капиталистической системы. Сегодня в отношении многих принципов марксистской методологии, определявших направленность научного процесса отечественного обществознания на протяжении десятков лет, проявляется своеобразная «*стеснительность*». Специалисты, владеющие марксистской методологией, боятся, что их уличат в косности, и не заявляют её в исследовательской практике. Результатом этого явился методологический *вакуум политической науки*, а «выявить реальные методологические основания того или иного исследования бывает чрезвычайно непросто»¹². Как известно, свято место пусто не бывает. В образовавшийся вакуум хлынули иностранные методологические ноу хау.

Поскольку марксизм представлял собой подобие научной религии, то носителям марксистских идей оказалось нелегко избавиться от их влияния и осваивать нечто новое. Молодое поколение политологов довольно слабо ориентируется в фундаментальных принципах некогда не только популярного учения, но и «предмета поклонения» старшего поколения, и большого интереса к нему не проявляет. С гораздо большим рвением началось освоение наработок западной политической науки, которые на тот период представлялись куда более привлекательными и заманчивыми. Жонглирование неведомыми доселе терминами, поражающими слух и воображение окружающих, стало на некоторое время модой политической науки.

Таким образом, агрессивное стремление освободиться от методологических оков марксизма-ленинизма породило рефлексию

«анти» и интерес к методологическим основаниям политической науки на Западе, построенной на иных методологических принципах. Порой через край, порой без меры учёные отказывались от марксизма и погружались в пучину антимарксистских крайностей, в связи с чем методологический маятник качнулся в иную крайность. Это нашло отражение в некритическом заимствовании и механическом перенесении западных концептов, мировоззренческих установок в отечественную политологию. Поскольку они изначально формулировались в иных мировоззренческих контекстах, исходя из иных базовых предпосылок, постольку плохо приживались на отечественной почве – порой отторгались, порой находились на положении приёмышей.

Проблемой, тесно связанной с предыдущей и обозначившейся в 1990-е гг., явилась неадекватность методологических нагромождений исследовательским задачам. Это привело к тому, что средства познания политики и конкретные исследования существовали в параллельных плоскостях, слабо коррелируя друг с другом, либо соприкасаясь непродуктивно и даже конфликтуя. Однако новые подходы разочаровали много быстрее прежних. Так, например, в 90-е гг. XX в. на страницах ведущих научных периодических изданий широко обсуждались именитыми учеными как некие эталоны модели демократизации. Спустя всего лишь пару-тройку лет этим же моделям были даны совершенно иные оценки¹³.

Нередки ситуации, когда указание на методологию исследования осуществляется по формальному признаку: «комплексный», «целостный», «системный» подход. При этом простейшие процедуры систематизации отождествляются с системным подходом, элементы использования цифр или фактов из практики других стран с иллюстративной целью принимаются за сравнительный метод, трактуемый весьма фривольно, а суррогат преподносится как комплексный и целостный подход. Нередки ситуации, при которых заявляемая методология не поддерживается содержательно, а методологические недостатки исследования скрываются под лоскутным покрывалом терминологических изысков, калькированных с английского ана-

лога и укореняемых в русском языке, результатом чего нередко является «эффект тарабарщины».

Процесс многочисленных методологических заимствований сопровождается формированием *методологического плюрализма* политической науки, что учёными также оценивается неоднозначно. Так, представитель немецкой школы политических наук, профессор К. Бейме рассматривает это явление скорее как позитивное, подчеркивая «*плюривариантный*» характер политической науки, считая процесс смены парадигм и их «мирное сосуществование» объективной необходимостью¹⁴. Как вполне закономерное явление, экстраполяция анализируется американским философом Т. Куном. Однако стоит сделать оговорку по поводу того, что учёный видит научный процесс как радикальную смену парадигмальных подходов, то есть в результате экстраполирования одного подхода следует полное вытеснение конкурирующей альтернативы.

У такой позиции имеются влиятельные оппоненты, отстаивающие иную точку зрения. В социальных науках, в отличие от естественных, радикальная смена парадигм не осуществима, поскольку нет фундаментальных открытий, влекущих за собой революцию парадигмальных подходов. Следствием этого является не радикальная, а лишь частичная смена парадигм, их мирное или конфликтное сосуществование, что влечет за собой *методологический и терминологический эклектизм*¹⁵.

Голландский политолог П. Мэр оценивает явление экстраполяции научного знания менее оптимистично, отмечая в качестве его следствия *отсутствие единого научного пространства* политической науки. Он сетует на «*разделённость, раздробленность и обособление в этой области..., недостаток ясной линии, лидерства или совместно выработанного и признаваемого всеми набора теоретических основ*»¹⁶. Г. Алмонд анализирует эту же проблему в ещё более мрачных тонах, считая, что политическая наука *расколота на секты и школы*. «Некоторые школы и секты в политической науке “сидят” сейчас как бы за “отдельными столиками”, каждая со своей собственной концепцией и собственными уязвимыми местами»¹⁷. По мнению

К. Ахена, политическая методология содержит лишь подержанные, переделанные инструменты, приобретённые по дешёвке на распродаже, созданные в своё время методологами других дисциплин¹⁸.

Ту же особенность отмечают участники круглого стола по проблемам методологической рефлексии политической науки, в работе которого приняли участие ведущие специалисты отечественной науки по вопросам методологии. Они пришли к «грустному» заключению, что политическую науку в её современном состоянии нельзя отнести к интегрированным дисциплинам. В ней сочетается или конфликтует множество специфических проектов, мнений о предмете и методе, множество языков описания политики¹⁹. Очевидно, диапазон оценок, даваемых одному и тому же явлению, достаточно широк.

Сложившуюся ситуацию можно идентифицировать как генетически запрограммированную или «родовую травму»²⁰, а методологическую гетерогенность как неразрешимую проблему политической науки, которая может привести к более значительной отраслевой диверсификации политической науки, поскольку методологические основы являются фундаментом, на котором формируется научное направление. В связи с тем, что методологический базис изначально гетерогенен, терминологические основы многоязычны, надстройка может оказаться шаткой конструкцией и привести к дальнейшей дифференциации политической науки.

Независимо от того, в каком ключе оценивают особенности политической методологии политологи — позитивном или негативном и как их идентифицируют, все они являются следствием генетической особенности, во многом обусловившей развитие политической методологии. Эта особенность представляет собой *экстраполяцию научного знания*, следствия которой неоднозначны. Проявляется это в широком диапазоне оценок, полюсами которого являются «отсутствие аутентичности» политической науки, с одной стороны, и «универсальный» харак-

тер, с другой. Широкий спектр разнообразных оценок — «эклектизм», «междисциплинарность», «гибридность», «плюралистичность» и других заполняет пространство между полюсами.

Примечания

¹ См.: *Доган М.* Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука. Новые направления. М., 1999. Гл. 3. С.124.

² См.: *Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики. Расчет согласия. Логические основания конституционной демократии. М., 1997; *Джексон Д.П.* Политическая методология: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления. Гл. 32. С.699.

³ *Семеренко Л.М.* Современная западная политическая наука: формирование, эволюция, институционализация. Ростов н/Д. 1998. С.191.

⁴ *Сартори Дж.* Искажение концептов в сравнительной политологии // Полис. 2003. №3. С.68.

⁵ См.: *Алкер Х.Р.* Политическая методология: вчера и сегодня // Политическая наука. Новые направления. Гл.35. С.767.

⁶ Там же. С.767.

⁷ См.: *Bartels L.M., Brady H.E.* The State of quantitative political methodology // Political Science: The State of the Discipline. Washington, 1993. P.121.

⁸ См.: *Доган М.* Указ. соч. С.136.

⁹ См.: *Алмонд Г.* Политическая наука: история дисциплины // Политическая наука. Новые направления. С.69.

¹⁰ *Богатуров А.* Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. Зима. 2000. Т.5. №1.

¹¹ *Шестопал Е.* Мировая политология в российском контексте // Политическая наука. Новые направления. С.15.

¹² Там же.

¹³ См.: *Мельвилл А.Ю.* Ещё раз о сравнительной политологии и мировой политике // Полис. 2004. №5. С.114.

¹⁴ См.: *Бейме К.* Сравнение в политической науке // Политическая наука. Новые направления. С. 106, 107.

¹⁵ См.: *Доган М.* Указ. соч. С.136.

¹⁶ *Мэр П.* Сравнительная политология: общие проблемы // Политическая наука. Новые направления. Гл. 12. С.313.

¹⁷ *Алмонд Г.* «Отдельные столики»: школы и секты в политической науке // Политическая наука на рубеже веков. М., 2000. №4. С.63.

¹⁸ См.: *Achen C.H.* Towards theories of data: The State of Political methodology // Political Science: The State of the Discipline. Washington, 1983.

¹⁹ См.: *Казанцев А.А.* Политическая наука: проблема методологической рефлексии. Обзор материалов «круглого стола» // Полис. 2001. №6. С.58.

²⁰ См.: Категории политической науки. М., 2002. С.3.